

Ангел-Хранитель

Мой ангел-хранитель охраняет меня без особого рвения. По должности, согласно инструкции... Признаться, не так много со мной возни... Но при попытке к бегству из зоны, именуемой «жизнью», мой ангел-хранитель хватается меня за шиворот и тащит по жизненному этапу, выкручивая руки и давая пинков. И это лучшее, что он может сделать.

Дина Рубина

1

Яффа теряла терпение.

- Чего ты ухмыляешься? Что смешного?

Смятый клочок бумаги нервно шелестел в её дрожащей руке.

- Это документ... Ты что, не понимаешь, какие будут последствия, если дать ему ход?!

Я смотрел на «документ» - и, то ли скулил, то ли хихикал. Во рту чувствовался привкус горечи – вроде как съел какую-то гадость. Хотя с утра даже чаю не выпил.

- Ты мне ответишь! - кричала она, не то спрашивая, не то утверждая. - Как ты не можешь понять?! Я тебя пытаюсь вытащить из дерьма! Но для этого я должна знать правду, настоящую правду!

Её голос долетал до меня как из плохо настроенного приёмника – то тише, то громче, а то вдруг какие-то шумы – ничего не разобрать... Странно – мы находились с ней в одной комнате, на расстоянии двух метров. Она сидела за своим полукруглым столом, я стоял - руки за спину - верный признак полнейшего отчуждения, отторжения от себя внешнего мира. Моим внешним миром в данный момент была она, посланник Израиля по вопросам образования в Украине, сотрудник киевского филиала агентства Сохнút. Уроженка

Аргентины, с южным горячим темпераментом, помноженным на восточный менталитет... жутковатая смесь.

Если она приглашала кого-то из нас к себе для персональной беседы, мы знали: добра не жди. Она увольняла хороших, проверенных учителей с пол-оборота, запросто. Точно так же как брала новых, с улицы. Руководствуясь многолетним опытом и интуицией. Впрочем, здесь поставить точку было бы несправедливо. Если она была уверена в нужности этого человека или просто симпатизировала ему, такой человек мог спать спокойно. Ничто ему не угрожало – она готова была его отстаивать перед кем угодно, и к ней прислушались.

Я ходил в «любимчиках». Ей нравились мои уроки, вечера, которые я проводил. А ещё она почему-то меня считала неутомимым шутником, чуть ли не клоуном. И всегда смеялась, что бы я ни говорил и ни делал. «Ялді! (мальчик мой!), - говорила она. – Когда ты уже станешь взрослым?» Но взрослым становиться я не торопился и ей это, похоже, нравилось.

Когда наш секретарь Лиза позвонила мне накануне вечером и загробным голосом сообщила, что Яффа ждёт меня для персональной беседы, я насторожился. Но не испугался, нет, боже упаси! Скорее, было просто любопытно, что я такое вытворил. Ну не к правительственным же наградам хочет она меня представить, в самом деле!

...Неправдоподобно громкий звук заставил меня вздрогнуть и вернуться к реальности. А оконные стёкла – тонко задребезжать. Даже не так: этот самый звук позволил Яффе выйти из радиотрансляции, заглушаемой другими станциями и материализоваться здесь, в кабинете, за столом. Прямо передо мной.

Я с любопытством оглядел предмет, с помощью которого был произведен вышеупомянутый звук. Толковый словарь языка иврит под редакцией Эвен-Шошан, чуть ли не

больше самой Яффы. Здоровенная книжища – куда там Ожегову! Впрочем, подумал я, особыми физическими кондициями ей обладать не нужно – достаточно слегка приподнять Эвена, а потом просто уронить...

- Нью-у-у?.. У Яффы, как у большинства израильтян, русское «ну» приобретало причудливо раскатистую форму и, окрашенное интонационными подтекстами, могло передавать самые разные оттенки настроения. В данном случае это была уже плохо сдерживаемая ярость.

- «На своих уроках преподаватель Сапиро В., - начала читать она на своём, в общем-то, вполне сноском русском, - позволяет себе, отвлекаясь от своей основной задачи – обучения языку иврит, подробно рассказывать о религиозных еврейских обрядах. Сапиро В. делает это под предлогом якобы ознакомления учащихся с культурой и традициями еврейского народа, без которых, по утверждению С.В., изучение иврита является неполноценным. На самом же деле, это спланированная и неприкрытая пропаганда сионистских и шовинистических идей, совершенно недопустимая на территории независимого демократического государства, каким является Украина. Просим Вас, как посланника по вопросам образования, принять надлежащие меры и пресечь в дальнейшем распространение этих чуждых нам, жителям независимой Украины, идей, ничего общего с преподаванием языка не имеющим.

Группа иврита Сапиро В.»

Подписей не было.

У меня была начальная группа. И я видел, как у людей загорались глаза, когда я им рассказывал простые, в общем-то, вещи. О том, например, почему местоимение «ты» мужского рода (атá) заканчивается на гласный, как обычно в иврите заканчиваются слова женского рода. А местоимение «ты» женского рода (ат) заканчивается на согласный, как

слова мужского рода. Грамматика тут ни при чём! Когда Б-г сотворил первого человека – Адама, а потом из ребра его – Хаву (Еву), она была частью его. Вот и получается: «атá – ат»... Почему в будущем времени глаголы второго лица единственного числа мужского рода (ты) и третьего лица единственного числа женского рода (она) звучат одинаково? Тоже просто: Всевышний, создав Адама, но ещё до создания Хавы, рассказывал ему: ты будешь делать то-то, а она будет делать то-то... А как возникла демократия, знаете? Когда Б-г создал Адама, а из его ребра – Хаву, он подвёл её к Адаму и сказал ему: «Выбирай себе жену!..»

Вот сколько сионистского шовинизма (шовинистского сионизма?) было уже на первых моих уроках, представляете? Так это же только начало...

- Нью-у-у?! Ты, наконец, скажешь что-нибудь?! – Яффа, казалось, была уже на грани.

Я пожал плечами.

- Имей в виду, ялді! – в её голосе послышались визгливо-истерические нотки. – Имей в виду! Если до обеда мне на стол не ляжет объяснительная записка от тебя...

- На каком языке? – чёрт знает почему, я всё ещё дурачился.

- На любом. Так вот... если этого не произойдёт, мы с тобой прощаемся.

Я в ужасе заломил руки:

- Как? Ты от нас уедешь???

2

Предпоследняя в моей жизни воинская часть на особо показательную не тянула – там не было офицеров-афганцев. Да и затерялась она где-то в забайкальских сопках, на окраине Читы. А окраина города в тайге – это и есть тайга. Вой шакалов по ночам, глушь, ближайший микрорайон – несколько пятиэтажек – на расстоянии пяти-шести

километров. Но часть считалась довольно приличной. Примерно раз в месяц из округа приезжал сюда генерал-майор – пьянствовать водку с офицерами. К его приезду, дабы усладить начальственный взор, затевался ПХД – парково-хозяйственный день. Красили изгороди и мусорники на территории части, драили в казарме пол мастикой... Но самое главное – это плац. Любил наш генерал-майор по пьяни строевые смотры устраивать, ой любил! А раз так, плац должен блестеть. Как у кота причинные места, по выражению нашего старшины. И достигалось это невероятным образом: личному составу выдавались зубные щётки, шампунь... И – вперёд! И через час плац должен блестеть, как у кота... ну, и далее по тексту. Так плац зубными щётками – это ещё что! – мы вон в учебном комбинате, по молодости, в конце сентября пожелтевшие листья на деревьях в зелёный цвет красили. Тоже к приезду высокого начальства.

А один раз наш генерал сказал, что у нас урны выкрашены в неуставной цвет – должны быть серые с синей каймой, а у нас - наоборот. Заметьте, он это сказал, когда был ещё трезвый. А я потом, как придурок, специально Устав перелопатил, пытаюсь найти, где там написано про урны.

Но это так, вступление. А события, о которых пойдёт речь, относятся к XIX съезду ВЛКСМ, комсомола, то бишь. Была у меня в то время странная должность – я числился писарем в штабе, хотя красивым мой почерк не назовёшь даже с натяжкой. Я и не писал, я диктовал. Тексты для газет-молний, поощрения-порицания, стихи ко дням рождения офицеров и прочую чушь. А что, в самом деле, возмёшь с солдата, которого сюда только-только перевели, а ему через месяц-полтора – увольняться?..

И тут забавная мысль в голову нашему замполиту пришла. Ты, говорит, умный, техникум закончил, стишки-статейки кропаешь... Давай-ка будешь писать мне речи для

политинформаций. А потом и вовсе – а чё, говорит, мне выступать? У тебя почерк корявый, пока разберу, чего ты там накалякал... Короче, сам пишешь – сам и читай. Ну, я и читал по утрам – под монотонный храп личного состава части, согнанного в клуб...

И вот грянул он, этот XIX съезд ВЛКСМ. Время-то какое: перестройка, гласность, демократические преобразования в обществе! Книга Юрия Полякова «Сто дней до приказа» в свет ещё не вышла, но уже вовсю обсуждалась. И мне её удалось прочесть. Талантливо, хотя и весьма сдержанно (о дедовщине в армии). Но шума книга эта наделала много. В войсках, например, её вообще запрещали читать.

А на упомянутом мной съезде возникла полемика между Юрием Поляковым и ещё одним делегатом съезда – бывшим воином-афганцем. Афганец набросился на Полякова с резкой критикой: да я... да за Родину!.. да мы вот кровь проливали!... а ты... да в нашей Советской Армии... самой доблестной и прогрессивной... самой-самой... какая дедовщина?!.. такого понятия даже не существует... А Поляков ему возразил: да, ты из Афгана. Да, возможно, у вас такого не было... раз ты так говоришь... Но есть другие части и другая правда. Есть другая армия... И обрушился на Полякова поток проклятий, и предали анафеме его «Сто дней до приказа», прямо на съезде...

Вот мне мой замполит и говорит. К нам, говорит, завтра боров приезжает. Это, в смысле, генерал. Обсуждать, значит, всю эту хрень будем. (Господи, да тут толковый словарь нужен: «боров» – генерал, «хрень» – съезд...). Ты, это... того. Выступить, короче, должен. Борову про всю эту хрень с тамошним базаром рассказать (ещё один устойчивый фразеологизм для нашего толкового словаря: «тамошний базар» – дискуссия Полякова с воином-афганцем). Ну и сам тоже – ты ж грамотный, сваргань (подготовь, скажи, придумай), чего ты про это думаешь. Да, не бойсь,- сказал он,

- поймав мой вопросительный взгляд, - у нас же эта, как её... гласность... едрить твою в корыто!

Вдумчивый читатель, особенно служивший в армии, я думаю, легко может представить себе речь замполита, не адаптированную мной, то есть его настоящие слова ...

Итак, передо мной стояла задача: высказать свою точку зрения о неуставных взаимоотношениях в армии, на фоне вспыхнувшей на съезде дискуссии. Сложность заключалась в том, что я мечтал уволиться в срок. А для этого нужно было усладить генеральский слух неким трогательным выступлением, со сдержанной критикой неуставных взаимоотношений (без этого нельзя – у нас же гласность!), но и без фанатизма, другими словами, без вопиющих фактов, потому что! (в Советской Армии такого нет и быть не может!..). Да, задачка передо мной стояла та ещё...

3

Пишу вам, товарищ подполковник, это странное-престранное письмо. А странность его заключается в том... ну, хотя бы в том, что, даже если я его и отправлю, не буду ждать ответа. И все эти слова обращения «товарищ», «подполковник», «вы» - внешне, вроде, такие пристойные и уважительные, давно приобрели для меня издевательски-устойчивую атрибутику выражения слепой и остервенелой ненависти.

Для чего, вообще, пишутся письма. Наверное, люди их пишут для того чтобы быть услышанными. И это единственное объяснение, почему пишу вам это письмо я. А ещё в письмах выражаются пожелания: здоровья, счастья, благополучия, процветания...

Вы знаете, товарищ подполковник, у меня для вас тоже было одно пожелание. Первое время я очень хотел отправить вам письмо с пожеланием скорой смерти. А теперь я думаю,

что это для вас было бы, скорее всего, чем-то слишком лёгким и радостным. Ну, чем-то вроде искупления, что ли? Нет, так легко вы не отделаетесь.

В моём письме вы не прочтёте вопли проклятия... это ни к чему. Скажу лишь одно: оскорбить вас невозможно. В этом смысле вы неуязвимы. Любое матерное слово – лишь разносторонне и идеально характеризует очередное качество вашей многогранной души.

Вы вовремя поняли, что станете для меня неуловимым, если спихнёте меня в другую часть, а сами со временем уволитесь из армии. Может, так. А, может, я себе просто льщу: ну кто я для вас такой, чтобы вы меня боялись. Сколько таких, как я, было до меня? А сколько ещё будет после?

Итак, чего же я хочу добиться этим письмом? Быть услышанным вами? Да нет, зачем... Я хочу, чтобы, прочитав это письмо, вы бы его никогда уже не смогли забыть. И, каждый раз, когда вы будете оставаться наедине с собой, в тёмной комнате, перед сном, пусть у вас возникают все эти видения, которые не дадут вам не только уснуть – заставят выбегать на улицу. В одном нижнем белье. В непроглядную ночь. В сорокаградусный мороз. Как вы неоднократно «с бодуна» выгоняли нас – тех, у кого в части не было земляков, не было поддержки.

Может быть, тогда вы сами схватили бы лопату, с металлическим держателем. И без перчаток, голыми руками, начали бы рыть себе могилу – чтобы от всех этих ужасов схоронить себя заживо; и этот исход показался бы вам ещё не самым жутким, поверьте мне!.. А вы знаете, что в сорокаградусный мороз, если работать без перчаток, через пару минут ладони примерзают к металлическому держателю лопаты, и отодрать их можно только с кожей. Знаете об этом или нет?

Ну что, товарищ подполковник, я достиг желаемого, кажется. Ужас завораживает, не так ли? И если вы дошли до этого места в письме, уже не сможете от него оторваться. Вы приговорены читать дальше, до конца. Я вас приговорил. Как вы когда-то приговорили к смерти моего друга и ещё десятки (или сотни?) ни в чём неповинных людей, солдат, мальчиков. У каждого из них были родные, друзья, любовь... Читайте это. Читайте, убийца. Отныне вы бессмертны. Я обрекаю вас на пожизненное бессонное бессмертие.

Знаете ли вы, что значит десять ночей кряду не спать? Нет?.. Так я вам расскажу. Это когда начинается новый месяц, и ты идёшь в наряд по столовой. Бригадой из нескольких человек, после изнурительного рабочего дня. Ты приходишь и ледяной водой отдраиваешь «сороковки» и «девятки» - кастрюли для приготовления и разлива пищи. И вода в них замерзает, пока их чистишь. А потом нужно драить пол в огромной столовой, где вечно нет тряпок. И тогда тряпками становится верхняя одежда, которую надо просушить до утра в казарме с одним утюгом и при минусовой температуре. И так 10 дней подряд. А утром опять идёшь на работу – и спишь, где только можно. У станка, пока никто не видит. В туалете. В короткий обеденный перерыв, часто делая выбор между обедом и сном...

А списки на эти наряды составляются, товарищ подполковник, лично вами – даже не вашими офицерами. Вы собираете «дедов» и говорите: начало месяца, первые десять дней в наряд по столовой идёт первая рота. Вторые десять дней – вторая рота. Третьи десять дней – третья рота... И вам подадут список пяти-шести доходяг из трёх рот, каждый месяц один и тот же.

Спокойно, товарищ подполковник, это только начало.

Что случилось с Сабиром (фамилии не помню), который не смог это всё вынести, и побежал к вам, рассказать о том, что творится в вашей части? Вы его выставили перед

всей частью, на морозе, сорвали с него шапку, ухо выкручивали всей пятёрней, помните? «Сынок, ты пороху не нюхал!» - в порыве негодования кричали вы и заставляли его стоять по стойке «смирно» и беззвучно. Что было дальше, знаете? Конечно, вам ли не знать? Под утро его задушили. Подушками. Игра была такая. «Как заткнуть хлебало стукачу» называлась. Когда его, сонного, всю ночь кричавшего от боли, с изуродованным ухом, и под утро, наконец, заснувшего, простынями привязали к кровати. И каждый из дедов по очереди с подушкой набрасывался и давил, давил, вжимал его в пружины. Его, мёртвого, унесли в санчасть, и вы это знаете. Знаете, потому что это был ваш приказ. Вы пришли и отдали этот приказ. А что было потом и где он похоронен, никто не знает. Нам об этом запретили не только говорить – даже помнить. И тоже вы.

А помните Кибшидзе, который прибежал ночью, то ли пьяный, то ли обкуренный, с огромным кухонным ножом, поднял роту и, в чём спали, вывел на январский мороз, и продержал там до утра? А одному исполосовал лицо только за то, что тот посмел громко стучать зубами? Тут надо отметить вашу оперативность, товарищ подполковник, отреагировали вы быстро. И в ближайший праздник Кибшидзе было присвоено очередное воинское звание: старший сержант. За успехи в боевой и политической подготовке, за наставничество и воспитание достойной смены нашим доблестным Вооружённым Силам.

Ну что ж, товарищ подполковник. Письма выгодно отличаются от романов тем, что намного короче. И вам повезло, что я не злопамятный. Но об одном ещё эпизоде позволю себе всё-таки напомнить. И пусть он, этот эпизод, будет основным источником ваших агоний и конвульсий.

Туалет-будка... В ночное время он не освещался. И в нём зияли две огромные дыры, которые во тьме никак не разглядеть. Вообще ничего не разглядеть. И сколько было

случаев падения в эти дыры, в которых – выгребные ямы. А воды-то, как говорится, ёк. Только к утру ледяная струйка в кране. А в баню сколько раз нас водили, не помните? Ну, за мою бытность раза три-четыре. Сначала моются «деды» (хотя, они успешно это делали и в городе, куда часто уезжали в самоход), а потом «молодые». Если успеют. И если воды хватит.

Но сейчас – не об этом. Тёмная будка туалета. Глухая ночь. Измученный, сонный солдат осторожно ступает по бетонному покрытию, пытаясь не провалиться и не поскользнуться. Наконец, выбирает оптимально устойчивое положение, снимает штаны, пытается присесть... И, приседая, бьётся обо что-то твёрдое, раскачивающиеся – от потолка и где-то до уровня спины, - и от удара отлетает к стене. Знаете, товарищ подполковник, что это было? Догадываетесь, во всяком случае. Обледенелый труп Мишки Морозова. Он повесился часов пять или шесть назад, после того, как его изнасиловали, в присутствии всей казармы. А хотите, расскажу ещё, как вынимается из петли окочурившийся, скрюченный труп?.. Да ладно, не буду. Себя пожалею.

Поначалу очень хотелось такой же смерти и для вас. Но и это было бы слишком мягким наказанием. Нет. Я желаю вам вечно находиться в шкуре того несчастного солдатика, который в тёмном туалете задел висящего Мишку...

Прощайте, товарищ подполковник. Прощайте и знайте: отныне вы - бессмертны.

4

Клуб был переполнен – по случаю визита высокого гостя согнали весь личный состав. Срочно выписали лежачих из санчасти. Даже из областного госпиталя людей привезли.

До меня выступали разные чины – от командира части до командиров взводов. Говорили об отдельных фактах нарушения воинской дисциплины и несчастных случаях на

производстве. В конце речи ораторы, как сговорились, подчёркивали, что, не смотря на некоторые негативные моменты, которые пока ещё имеют место быть, в целом, количество поощрений и присвоения очередных воинских званий увеличилось на столько-то процентов, производительность труда выросла в такое-то количество раз, и в преддверии XIX съезда ВЛКСМ сделано то-то и то-то.

Я нервничал, зевал, рискуя вывихнуть себе челюсти – перед собственным выступлением. И, наконец, пришла моя очередь.

О чём же говорить? Этот вопрос сверлил мне голову всю ночь. О том, кошмаре, из которого я чудом вырвался? О том, что в прошлой части были сволочи и фашисты, а здесь – лицемеры и лизоблюды? О том, что армия – зеркало общества? Что человек, оказываясь в экстремальной ситуации, так часто теряет человеческий облик? Что я с недавнего времени стал брезгливым от мысли, что так же, как и они, имею несчастье принадлежать к роду человеческому? Что, как только их начинают плохо кормить, загоняют в стойло, обращаются, как со скотом, они так творчески подходят к решению этой проблемы! Они борются за своё выживание, но не против тех, кто их в эти условия ставит! Они ищут таких же униженных как сами, но ещё более слабых – чтобы отобрать последний кусок, стянуть на себя последнее одеяло – им так проще.

Мишка Морозов часто повторял: «Бог терпел – и нам велел!» По-моему, это единственная фраза, которую я от него слышал. И при всём моём уважении к христианской морали, именно эта фраза – не для меня. Терпеть можно ради кого-то или чего-то. Например, твоя жена и дети нуждаются, а ты вкалываешь на десяти работах, и просвета этому не видно. Но хоть знаешь, зачем. Чтобы в доме был кусок хлеба. Терпеть можно за что-то. Например, за идею. А за что, почему я должен терпеть унижения здесь. И, главное, от кого? От таких

же пацанов, на два года старше, которые возомнили себя «дедами», ввели разграничения – это «положено», это «не положено»... В Конституции записано, что служба в Армии и защита Родины есть священный долг каждого гражданина. Так пропади пропадом эта гнилая Родина с её священным долгом и гражданством! Нет, я не допущу, чтобы мои дети служили в этой стране и давали присягу её Вооружённым Силам. Мне всё твердили: ты должен, ты должен. И в армию я уходил с твёрдой установкой: я должен. Мог получить отсрочку до осени. Решил: нет. Раз должен, чего резину тянуть. Сам пошёл в военкомат.

А на призывном пункте, знаете, как нас отбирали? Офицеры, которые за нами приезжали, назывались «покупателями». Наш «покупатель» появился на третий день. Сформировали команду из тридцати человек: двадцать пять евреев, два казаха, два узбека и татарин. И загнали всех, заперли в Забайкалье, за много тысяч километров от дома... И не пытайтесь убедить меня в том, что это случайность. Циничный, неприкрытый шовинизм, махровый антисемитизм, возведённые в ранг государственной политики. Кацапы, москали, хохлы, бульбаши, жида и чурки. Так называли солдаты друг друга в армии, и так друг к другу относились. Торжество национальной идеи. Единый, могучий и неделимый...

Оказавшись там и пожив той жизнью, я часто задавал себе вопрос: что ж это за долг такой? Кому и что я задолжать успел, что расплачиваюсь такой ценой? И в каком таком уставе записано, что спичка горит 45 секунд, в течение которых нужно вскочить и одеться, и так каждый день, на протяжении долгих месяцев? И какой устав гласит, что утренние туалетные процедуры производятся по команде («ширинки расстегнуть» - одна минута; потом «ширинки застегнуть!»)?! А если надо не только «ширинки расстегнуть»??!

Есть в жизни вещи, которые я не понимаю, но просто

знаю, что ещё до этого не дорос. В основном, это из области литературы. Есть вещи, которые не понимаю, но пытаюсь понять. Взгляды других людей. Есть вещи, которые мне просто не дано понять – в силу каких-то моих индивидуальных особенностей. Но я себе говорю, что это – данность, и с этим нужно мириться и сосуществовать. А есть такое, что понимать я отказываюсь. Уродство. Извращение. Служба в рядах Советской Армии, в стройбате, в частности.

Искромсанное ранами тело заживёт, только рубцы будут хранить память... А душа, что с ней делать? Как забыть этих несчастных, повешенных, убитых, задушенных... И как мне вернуть Рината???

Разве я мог об этом им рассказать??? Я даже не знаю, могу ли, имею ли право рассказывать это сейчас...

Моё выступление было коротким. Нет смысла подробно его излагать. Я сказал, что, к сожалению, в армии есть место излишней грубости, подчас жестокости. Не приводя конкретных примеров, заметил, что нередки случаи массовой расправы над одним человеком, который чем-то выделяется среди других. Например, интеллектом. Или отказывается выполнять распоряжения таких же солдат, как он, только призванных раньше. Из-за этого возникают потасовки, в которых, как правило, несколько человек избивают одного, и тот оказывается в санчасти или госпитале. Так попирается человеческое достоинство, нивелируется «Я» рядового солдата. Ещё я сказал, что писатель Юрий Поляков прав – «дедовщина» в нашей армии – печальное, но весьма распространённое явление, и, что с этим явлением следует бороться. Наверное, что-то ещё говорил, - не помню.

Моя речь, в отличии от всех предыдущих, была встречена гробовым молчанием. А когда я спускался со сцены в зал и проходил мимо первого ряда, где сидели офицеры, услышал реплику в спину:

- Солженицын хренов...

Я тогда ещё не знал, кто такой Солженицын – «Архипелаг Гулаг» прочитал только спустя несколько лет. Но, может, это и хорошо. Не возникло леденящих душу ассоциаций, и хоть остаток того дня прошёл спокойно: ужин, телевизор (информационная программа «Время») и отбой.

Около четырёх часов утра меня тихо, но крепко и настойчиво потрясли за плечо. Открываю глаза. Капитан. Сзади стоит ещё один. Странная военная форма – другого цвета. Непонятные петлицы. Передний – жестом: давай, вставай!

- Что-то случилось, товарищ капитан? – спрашиваю.

Приставил указательный палец к губам. Жест повторяет, только энергичнее. Мол, давай живей и никаких вопросов. Армия...

Встаю. Одеваюсь. Иду за ними. Натягиваю бушлат. Выходим на улицу, в предутреннюю темень. Садимся в «УАЗик». Едем по тайге, на большой скорости. Въезжаем в сонный город. Напряжение растёт. Не выдерживаю:

- Товарищ капитан, разрешите обратиться?

- Не разрешаю!

Подъезжаем к серому зданию, где-то недалеко от центра. Останавливаемся. Светает. Выходим. Направляемся ко входу. Их сопровождение напоминает конвой: один идёт рядом, второй сзади, на небольшом расстоянии. Нарушаю всякую субординацию. Замедляю шаг:

- Куда идём?

- Прямо. Не тормози. И никаких вопросов. Там всё узнаешь.

Заходим. Лифт. Кабинет. Седой человек лет пятидесяти. На стуле висит китель полковника. Мои провожатые молча уходят.

- А-а, Володя! – как будто всю жизнь меня знает и вот заждался; давно не виделись. - Здравствуй. Проходи. Садись. Курить будешь?

- Спасибо, я ... не курю.

- Правильно, молодец. А я вот, знаешь, всё никак не брошу. Кофе, чай?

- Нет, спасибо, товарищ полков...

- Знаешь, что... Давай без всяких этих церемоний. Ты же не в казарме.

И тон голоса, и благородная седина, и голубые глаза полковника, - всё это несколько успокаивало.

- Так чай или кофе? – опять спросил он.

- Спасибо, не нужно...

- Нужно. Разговор будет долгим. Тебе чай с лимоном?

- С лимоном...

Ещё некоторое время ушло на приготовление чая. Наконец, полковник сел напротив, какое-то время внимательно смотрел на меня, изучая. Потом сказал, как будто мы о чём-то с ним уже договорились:

- Ну, давай, Володя, рассказывай!

- Что рассказывать? – вырвалось у меня.

- Рассказывай, как случится?

Надо сказать, что второй вопрос обескуражил меня ещё больше, чем первый. Что этому холённому полковнику от меня нужно? И пока я собирал воедино мысли, разбросанные как чаинки на дне моего стакана, он ошарашил меня третьим вопросом:

- Домой скоро собираешься?

Меня не вопрос поразил, а тон. Что-то в нём мне послышалось зловещее. Но этот вопрос, в отличии от двух предыдущих, требовал ответа. Я это понял по его выжидательно-вопросительному взгляду.

- В мае... - одними губами пролепетал я.

- М-да... - он задумчиво забарабанил пальцами по столу.

Почему-то у меня возникло ощущение, что это «м-да» и барабанящие по столу пальцы не предвещают ничего хорошего.

- Ну ладно, - сказал полковник, после небольшой

паузы. Давай тогда я тебе о тебе же и расскажу. Хочешь?

Этот вопрос не имел никакого смысла, как и все его предыдущие. Поэтому он не стал дожидаться моего ответа, а сразу приступил к делу...

Знаете, бывают моменты, когда волосы на голове становятся дыбом. А ещё бывает, когда они шевелятся. Я тогда это почувствовал в первый раз. И, дай бог, чтобы в последний.

Я услышал занимательнейшую историю, покруче любого детектива! Мне была рассказана вся моя биография в потрясающих подробностях. По ходу рассказа упоминались некоторые детали, например, как меня в детстве называла мама и какие сказки мне на ночь читала бабушка (кто вообще, кроме родителей и бабушки, мог об этом знать?). Все мои школьные клички и подробности моего поступления в техникум. Подробная информация о наших вечеринках и техникумовской компании. Мой призыв в армию, служба в разных частях, опять же, с подробностями (помнишь, такой-то тебе рассказал анекдот следующего содержания?). Ну, и всё в таком духе, вплоть до вчерашнего дня. Надо ли упоминать о том, что всё, рассказанное мне, в точности соответствовало действительности?.. И только потом меня осенило. Он рассказал всё, кроме одного. Рината не тронул. Обошёл стороной. Ни о чём не спрашивал, сам ни о чём не говорил – ни прямо, ни косвенно. Почему? Думаете, из деликатности? Вряд ли, доложу я вам...

- ...ну что, - вдруг спросил он, - про вчерашний день расскажешь?

Я, заикаясь, но со всеми подробностями рассказал про вчерашний день. Руки и поджилки тряслись, голос дрожал ...

- Так, батенька, так... а у меня вот что написано...

Полковник надел очки, достал аккуратно сложенную бумагу – и начал бегло читать, вполголоса – как бы не для меня, а для себя. «Довожу до Вашего сведения... неблагонадёжен...

политически недалёковиден... абстрактность мышления, доведенная до абсурда...» Ну что ж... есть над чем работать... - подытожил он.

На несколько минут, которые мне показались вечностью, в комнате воцарилась тишина.

- Ты ведь маму любишь? – неожиданно спросил полковник.

- Люблю...

- И папу любишь?

- И папу...

- М-да... (меня от его «м-да...» опять передёрнуло). А скажи... - такое ощущение, что он тщательно подбирал и взвешивал каждое слово. Обычно так поступают судьи, вынося приговор. Не знаю. Но мне так тогда показалось. – Скажи... ты ведь не хочешь, да, вдруг исчезнуть... для всех. А потом, чтобы твоя мама неожиданно нашла тебя... сильно поседевшим... на Колыме... лет примерно через семь...

Тон его голоса, в принципе, оставался отечески-покровительственным, каким и был вначале, только чуть более жёстким. Должен признаться, что к концу этой фразы я уже чувствовал себя на Колыме и сильно поседевшим...

- Ты же этого не хочешь, да? – повторил он, медленно разделяя слова и впервые повысив голос.

- Н-нет...

- Вот и славно! – и он впервые за время нашего разговора вдруг облегчённо улыбнулся. – Давай сделаем так. Ошибки случаются. Их главное потом не повторять... Ты ведь понял свою ошибку? – его голос опять сделался отечески строгим. Я рабски кивнул.

- Вот и славно! – опять повторил он, заговорщицки приветливо. – Ты человек в политическом смысле неблагонадёжный. А за ошибки нужно расплачиваться... В мае ты, конечно, не уволишься. Послужишь ещё пару месяцев... в профилактических целях... Всё, Володя. Парень ты неглупый, и, я надеюсь, мы с тобой друг друга поняли, да?

- Так точно!

- Ну, тогда будь здоров! – он нажал кнопку селектора. – Да... и вот ещё что... Вот здесь распишись, - он подсунул мне бумагу. Это было обязательство. О неразглашении методов их работы.

Открылась дверь и за мной зашли два уже знакомых мне молчаливых капитана.

Меня отвезли на военный аэродром. Там нас ждал вертолёт. Полетели в тайгу. Долго ли, коротко ли летели, - приземлились. Землянка. Человек 15 – вся часть. Никто ни с кем не общается. Видимо, все «неблагонадёжные».

Нет смысла описывать монотонную рутину моей ссылки – этой последней воинской части. Два месяца, день в день, я там пробыл. Потом уволился.

5

*** средняя школа города Киева была русской. Но в 1990-м году этим трудно было кого-то удивить: тогда ещё все процессы украинизации, национализации и пр. были в зародышевом состоянии. Я проходил педагогическую практику в группе продлённого дня, во втором классе. И ещё, согласно программе педпрактики, я должен был провести два мероприятия. Учитывая специфику школы (русский язык), а также начавшиеся в стране процессы создания национальных школ, я решил, в духе времени, оба мероприятия провести на украинском. Тем более, мои детки начали его уже изучать. Чем плохо?

К концу практики меня вызывает директор школы. В дверях сталкиваюсь с мамой одной девочки из моего класса.

- Чего вы цепляетесь к детям со своим украинским языком?! – прошипела она. И скрылась...

Я вошёл.

- Садитесь, - директор сухо кивнула на стул напротив. В руках

у неё была вчетверо сложенная бумажка.

- Я хочу вам кое-что прочитать, - строго сказала директор.

Я не верил собственным ушам, глазам, хотелось себя ущипнуть...

- «Владимир Леонидович на своих занятиях заставляет детей говорить на неродном и непонятном для них языке... - читал полковник КГБ в облиии директора школы Ларисы Васильевны. – Под предлогом проведения занятия в игровой форме чётко прослеживается желание посеять в детских умах небезопасные ростки национализма, которые, при дальнейшем умелом возвращении (путём чтения полулегальных газетных и книжных изданий), могут дать весьма сомнительные всходы...»

- Но, Лариса Васильевна, - попытался возразить я. – Детям понравилось. И они даже с большим удовольствием разговаривали по-украински...

- В чём вы пытаетесь меня убедить? – спросил полковник. – У нас школа русская. Понимаете? Язык общения на уроках – русский. Язык проведения внеклассных мероприятий – русский. Это общее правило. И если вы его не выполняете, вы тем самым ставите под сомнение всю систему нашего обучения. А если вы в ней сомневаетесь, дети в ней тоже усомнятся... Извините, но нам это не нужно.

- А можно мне почитать эту бумажку? – робко поинтересовался я.

- Нельзя.

- Почему?

- Это не бумажка, это документ.

- И что... вы боитесь, что я с ним что-то сделаю?

- Это документ внутреннего пользования. Извините, нет.

И полковник сделал характерный жест рукой, дав понять, что аудиенция закончилась.

- Цви, вызывали?

- Вызывал. Проходите, садитесь.

Цви – первый директор киевского филиала агентства Сохнút. Тогда организация была совсем ещё небольшая – первые шаги в Украине. А Цви – наш бывший соотечественник, предпочитал с нами говорить по-русски, и был единственным человеком, обращавшимся ко всем на «вы». Со всеми остальными израильтянами мы были на «ты» - дело в том, что в иврите обращения «вы» к одному человеку не существует.

С ним у меня были хорошие, ровные, даже доверительные отношения. Надо сказать правду, вообще-то с начальством у меня отношения во многих случаях официально натянутые. Единственная помощь, которую я от них жду – это чтобы они не мешали работать. Но многие стремятся помочь. По-своему, даже не спросив, чем собственно, и нужна ли их помощь в принципе.

Цви всегда готов и рад был помочь. Действительно готов и рад. Но сам ничего не навязывал. За это (и, конечно, не только) он мне нравился. Был открытым и интеллигентным, чутким и внимательным.

...Я сел. Цви посмотрел на меня – как-то грустно, как мне показалось. Зачем-то открыл ящик стола, потом опять закрыл... Напрасно. Совершенно лишние движения – бумажка-то была при нём.

- Володенька, я уже немолодой человек, и у меня есть опыт. Я хочу, чтобы вы знали. Я вас ценю и уважаю... У каждого из нас есть свои взгляды на жизнь, на те или иные проблемы – мы ведь взрослые люди... Но в стенах Сохнúта... - и он понизил голос.

- ...есть вещи, которые не следует упоминать всуе, как имя Господа, - подсказал ему я.

Цви слабо улыбнулся.

- Понимаете, - сказал он медленно, как бы взвешивая каждое слово. – Любая организация – это отдельный маленький мир со своим уставом и своими правилами, которым, хотите вы этого или нет, вынуждены подчиняться все в ней работающие. Своя священная корова, посягать на которую равносильно святотатству.

Я присмотрелся внимательнее. Передо мной сидел знакомый полковник, только ставший уже интеллигентным и с большим, чуть крючковатым еврейским носом.

- Я вам сейчас кое-что прочитаю... - сказал он.

- Цви, можно я сам прочитаю?

- Нет, что вы! – замахал свободной рукой полковник. – Это же документ.

Он поправил очки:

- Поверьте, мне неловко, но... вот: «Директору киевского филиала агентства Сохнút, господину... ну... и так далее... Хочу вам сообщить о неадекватном поведении одного из ваших сотрудников, г-на Сапиро В.Л. На уроках иврита г-н Сапиро позволяет себе нелicenseприятные высказывания о государстве Израиль, преувеличенно долго рассказывает о трудностях, которые якобы подстерегают новых репатриантов на каждом шагу во время их абсорбции в стране. Подобные действия могут привести к оттоку репатриации евреев на их Историческую Родину. И это в то время, когда наша страна так нуждается в рабочей силе и защитниках! Хотелось бы заметить, что подобная позиция г-на Сапиро прямо противоречит целям и задачам, стоящим перед Сохнúтом. Ведь основная цель агентства Сохнút – пропаганда и агитация, оказание всесторонней помощи и поддержки евреям для их возвращения на Историческую Родину»... Всё правильно, - сказал он, сняв очки и устало протирая салфеткой запотевшие линзы. Не к чему придраться. Это действительно наша основная задача.

- Цви, но люди спрашивают меня, что об этом думаю я!

- И что вы им говорите?
- Я стараюсь честно и объективно рассказывать о существующих там проблемах. Это же не антиагитация! Я думаю, будет лучше, если они будут знать об этом ещё здесь...
- ... и тридцать раз подумают, ехать им или нет.
- Да, и тридцать раз подумают! Что же в этом плохого?
- Да ничего, в общем... Кроме одного. Это не наша парафия. Больше скажу: это противоречит нашим целям и задачам. Володенька, послушайте меня... Я действительно вас очень ценю и хочу работать с вами в одной команде. Но если, упаси Б-г, поступит ещё один подобный сигнал, даже я буду бессилён... Вы понимаете?
- Цви, а почему всё-таки я не могу взять в руки эту бумажку? Вы же не сомневаетесь, что через минуту я верну её вам в целости и сохранности. Я ведь здесь – никуда с ней не уйду.
- Нельзя, - твёрдо сказал полковник. – Это не бумажка, это документ.

7

- Ялді, - повторила настойчиво Яффа, с трудом сдерживая гнев, - если ты не напишешь до обеда объяснительную, мы прощаемся.

В комнате повисла тишина. Я смотрел на неё. Она разглядывала свою пепельницу. Потом вдруг поняла, что пепельница пуста, и, следовательно, она сегодня ещё не курила. Достала сумочку, спешно её открыла, и всё содержимое высыпалось на ковёр.

- Ялді, - сказала она, когда мы, наконец, закончили собирать содержимое сумочки. – Не играй с огнём, последний раз прошу тебя.

И у неё на щеке заблестела слеза. Настоящая, непридуманная. Слеза бессилия – от нелепости ситуации.

- Тебе трудно, я знаю... - с трудом проговорила она.
- Яффа, - тихо попросил я с затаённой надеждой. - Дай мне ту бумажку... ну, тот документ. Мне очень нужно, пожалуйста...
- Зачем тебе? – Яффа достала салфетку и аккуратно смахнула слезу.
- Ну, мне нужно... нужно знать, что ты мне веришь, что мы доверяем друг другу...

Она смотрела на меня так, словно видела впервые. Внимательно-изучающе.

- Это не бумажка, это документ... Ты не понимаешь?!!!
- В её голосе чувствовалась неприкрытая горечь. Она действительно по-своему меня любила и по-своему хотела уберечь меня. Или себя.
- Можно бумажку... ну, этот... документ? - опять повторил я.
 - Ты мне не веришь? Думаешь, я всё придумала?
 - А ты - мне? Думаешь, я её порву?
 - Нет.
 - Тогда дай.
 - Зачем?
 - Подержать в руках.
 - Нет. Это документ.

Я всмотрелся. Передо мной вновь сидел полковник. Тот самый. Полковник любовно разгладил бумажку, положил её в конверт и спрятал в сейф.

Вместо эпилога

«У каждого в жизни был свой полковник», - сказала мне моя бывшая жена, тогда ещё будущая. По-моему, очень мудро. У неё тоже был «свой» полковник, и в чём-то наши истории даже перекликались.

Многое в этой странной истории настолько невероятно, что покажется вымыслом. Возможно. Да хотя бы

все эти бумажки-документы. В самом деле, не мог же я запомнить содержание каждой из них, даже при моей скромной феноменальной памяти? Да. Не мог. Но они были, эти бумажки. Написанные не так высокопарно, другими словами. Но были.

У каждого в жизни есть свой ангел-хранитель. У меня тоже есть. Полковник КГБ. Я не знаю, злой он или добрый, охраняет он меня или нет – скорее, предостерегает. Каждый раз он как будто говорит: «Нельзя быть честно-прямолинейным, как угол дома, прозрачным и читаемым для всех, как открытая книга. Нельзя. Жизнь сейчас другая...» И я постоянно с ним спорю, пытаюсь доказать своё. Не знаю, кто из нас прав. Но знаю одно: он мой ангел. И если бы не он... если бы не он, я не уверен, что смог бы выжить в сегодняшнем безумном-безумном мире.

А это, как сказал классик, уже делает всю мою историю почти сносной...

1987 – 2004

